

О ХРИСТИАНСКОЙ ПОДРУГЕ

О ХРИСТИАНСКОЙ ПОДРУГЕ

Татьяну Львовну Лазареву я знаю с 1974 года, почти столько, сколько живу в Москве. Мы с ней вместе работали в институте «ВНИИХолодмаш». Среди сотрудников нашего отдела было немало интересных и творческих людей, но коротких отношений у меня ни с кем не было. Да и близких друзей у меня никогда не было — так уж получалось с детства. Как было по жизни раньше, так и продолжалось. Наверное, это происходило потому, что доверяться вполне я не могла тогда никому, а ведь так хотелось. Правда, друзей оставалось всегда много, но в то время, когда я переехала в Москву, большинство из них пребывали в Великом Новгороде. В Москве же все мои новые знакомые были в основном в институте и в пожарной охране, где работал Владимир Михайлович...

Во «ВНИИХолодмаше» мне долго работать не пришлось. Вскоре у меня родилась дочь, и мне пришлось тут же брать какие-то отпуска, искать другую работу и все прочее * На какое-то время весь внешний круг выпадал из поля зрения моих интересов, ибо ребенок все поглотил. Затем многое и часто менялось в моей жизни по части семейных устройств, болезней, поисков работы * Новые люди появлялись и исчезали, как те записи их телефонных номеров в домашнем телефонном справочнике, но вот Танечка Лазарева никогда не пропадала надолго, то есть так, чтобы годами не знать, что теперь с ней, где она сейчас. Она тоже ушла из института и работала в другой организации, но иногда звонила мне, рассказывала о том, что происходит на старой работе, кто и где теперь работает из наших общих знакомых. Мне было все интересно, потому что долгой оторванностью от мира жить нельзя, даже если и маленький ребенок отнимал все внимание. Танечка приходила к нам, домой, приносила новости, смотрела, как подрастала Машенька. Иногда ей удавалось застать дома Владимира Михайловича, правда, редко. Но общая картина нашей жизни ей была понятна. Видела, как мне приходится крутиться без бабушки, да еще когда муж — день и ночь на работе * Я как-то особенно не запоминала всех подробностей — тех наших отношений, но не было тогда такого, чтобы я что-то попросила Танечку Лазареву, а она отказалась или не смогла.

Она все всегда могла и искренне хотела помочь.

Это было в ней очень заметно, а я и удивлялась, видя в ней то, что в некоторых других людях начисто отсутствовало — почему-то. Если мне был нужен какой-то совет, или лекарство для ребенка, или какая-то другая помощь, я всегда могла обратиться к ней и не счесть, что это неловко * В те 1980-е годы было трудно что-то достать или найти, купить какую-то вещь или книгу, так что такие вот житейские вопросы поглощали много времени, оставляя для духовных интересов малую нишу. Только Танечке все было не в тягость. Напротив — она все делала с удовольствием, включая это в статью своих личных интересов. Были, конечно, такие периоды жизни, когда то одно, то другое прыгало чехардой, и мы ненадолго теряли друг друга из виду, но тут же обязательно возникал подходящий случай, и Танечкин голос спрашивал по телефону: как дела, не нужно ли чего? Не знаю, чем уж так ей подходила я, которая так мало

могла ей быть полезной. Но все же получалось, что наши спокойные и простосердечные отношения нас никогда не тяготили, а оставляли место для продолжения...

Мы тогда вовсе не касались религиозных тем — так, в плане общих разговоров расширения познаний, советов по каким-то личным делам. Часто вспоминали общих наших знакомых, у которых в жизни случалось то или другое, многих из них жалели, тех, у кого что-то было не так. У нас-то с ней все было относительно сносно, то есть терпимо. Танечка замуж вышла довольно поздно, детей у нее не было, но она всегда заботилась о своих родных и близких, нежно опекая их. Мои родители были от меня далеко, о чем я сожалела, но Таня же и говорила, что дальность не такое уж препятствие, что унывать об этом нельзя.

Да, конечно же...

Тем более, что вскоре, в мае 1986 года мне пришлось впасть в такое тяжкое уныние, что оно мне казалось безысходным * В начале июля 1986 года Владимир Михайлович вернулся из Чернобыля, и ужас предстоящего сковал меня одной только мыслью о неизбежном. Эта мысль поглотила и отбросила все остальное. Высокая доза радиации и стресс от того жуткого чернобыльского пожара восемь лет мучили нашу семью, а Володю губили день за днем * Он проболел в общей сложности все эти восемь лет, и эти годы прошли для меня отдельным поездом — радиационной стрелой поражения * В это время я вовсе не старалась нарочно вспоминать кого-то из знакомых или привлекать к помощи новых людей. Наоборот, мне не хотелось никому лишний раз рассказывать о своих бедах * Танечка все это знала и сочувствовала мне, но я и ей ничего подробно не рассказывала, ибо и она помочь не могла ничем * И вот только в марте 1994 года, когда она позвонила мне, я уже вполне могла рассказать все откровенно, потому что надежд на жизнь Владимира Михайловича не оставалось совершенно. Да, Таня меня понимала, и тем более жестоким было то, что я слышала от нее: у нее только что, совсем недавно погиб муж Анатолий.

Несчастный случай. Тяжкие подробности...

Господи... Все мои слова застыли в воздухе...

...Таня меня понимала.

Немного погодя, когда Володя уже лежал в больнице в последний раз, она привезла мне акафисты и молитвы, которых у меня тогда не было. Но раньше у нас с ней и разговоров таких не было, да и не было таких вот * обстоятельств. Мы с ней на этот раз недолго поговорили и расстались, но уже совершенно по-другому, чем раньше. Теперь наступало новое время — время скорбей * Я сокрушалась о своих несчастьях, и Тане было не легче. Володя умер 22 мая. Таня уже по почте мне прислала новое утешение. Звонила мне часто, рассказывала и о своих проблемах, которых у нее накопилось немало. Ну, что же, надо как-то жить дальше... Чувствовала я тогда себя очень слабо, и Таня, наверное, не лучше, но она, как и раньше, спрашивала: не нужно ли чем помочь? Говорила, что у нее хороший врач, что знает, где можно взять хорошие натуральные лекарства. Сообщала по телефону подробные рецепты разных оздоровительных смесей, требовала, чтобы я занялась собой. Привозила мне лекарства из прополиса, из черники, пищевые добавки, а также описания методик очищения организма, еще что-то. А какие вкусные куличи пекла да угощала всех, кого могла! Да пекла побольше — чтобы

всем хватило! Как она все это тепло и душевно делала ✱ Мне казалось, что она и половине больных в Москве может вот так же приехать и сказать:

– Ну-ка, давайте быстренько лечитесь и выздоравливайте! Да что это такое, разве можно так к себе относиться?

Нет, Тане было нельзя отказать, и я старалась сильно не разболеться. Позже, когда уже болели и умирали мои дорогие родители – и все в другом городе(!), Танечка не раз мне говорила:

– Зачем себя так терзать? Ты ведь сделать ничего не можешь больше того, что делаешь. Ты ведь и так туда-сюда мотаешься в еле живом состоянии. Ты же их не бросила, поддерживаешь всячески. Там у тебя брат есть. Отпусти все на волю Божию, поверь, что, хотя терзаешь себя сама, лучше никому не станет.

Таня была права, мне не скоро станет лучше.

Болезни моих родителей, их смерть и похороны с разницей в полтора года, я пережила крайне тяжело, едва не позволив себе пересечь самую нижнюю черту скорби, от которой подняться вверх было бы невозможно. Папа умер быстро, а мама проболела долго, и ехать ко мне в Москву так и не собралась. Все это время я промучилась, а выхода так и не находила. Но в то же время: никуда нельзя в этой жизни деться от всего того, что происходит с нами со всеми.

Может ли это происходить как-то по-другому?

Не знаю...

А ведь происходит именно то, что наступают для каждого из нас дни и минуты последних расставаний с нашими родными и близкими. Это все очень трудно пережить, даже если все силы положил, чтобы помочь, даже если вроде как готов к этому заранее. В таких случаях, кроме собственной веры и надежды на милость Господа, очень нужно, чтобы рядом оказались добрые, понимающие и готовые к помощи люди.

Не мне одной это нужно.

Это нужно всем.

Не знаю, кому и в какой степени мне удалось помочь так же, как это сделали для меня Маша и Татьяна Львовна. Они помогли мне и в те жестокие для меня дни, да и весь последующий период. С того времени мы с Таней стали видеться довольно часто. Еще чаще разговариваем по телефону, если он не занят с ее стороны. Ведь ей очень многие звонят, те, кто нужен ей, кому нужна она. Человек широких устремлений, Таня стремится привлечь людей в свое поле, расширить их интересы, одарить добром, радостью, помочь во всем. Думаю, что, нет такого человека, узнав которого, Татя не спешила бы ему помочь. Она живет в Подмосковье, в Подлипках, живет довольно просто и скромно, но дом ее открыт многим людям. Как я поняла, Татьяна Львовна – настоящая подвижница. Ничего лишнего и пустого у нее в доме нет, зато присутствует все, что нужно для духовной жизни. Икон очень много, все настолько разные, что удивительно, как они красиво сочетаются друг с другом.

А есть и такие, каких я и в жизни не видела, даже названий до того времени не слышала.

Татьяна Львовна любит все милое, простое, привыкла все делать быстро и правильно.

Все храмы Москвы знает хорошо.

Особенно любит службу в монастырях, может запросто ночь простоять.

Запросто ездит в другие города на великие праздники, к своим знакомым верующим и батюшкам, да еще и племянниц с собой старается взять. Ездит в монастыри на работы. Ездит в паломнические поездки по святым местам, на источники, ходит в большие крестные ходы. Берет у меня каждый раз записки, привозит сувениры и иконочки, просвирочки, маслице от мощей святых. А какие чудесные шкатулки и покрывало привезла она однажды нам с православной ярмарки! Просто умница. Диву даюсь – о ней, о ее образе жизни и мыслей. Работает она в редакции серьезного журнала, да там ее отпускают во все эти поездки – видно, понимают правильно.

Каждый год, начиная с 1998 года, в июле-месяце Таня ездит в Кострому. Точнее – сначала в Ивановскую область, где от Свято-Николо-Луховского монастыря 12 июля организуется крестный ход, чтобы к 17 июля, дню поминовения царственных мучеников, успеть дойти до Ипатьевского монастыря в Костроме. Ход очень красив: с иконами и хоругвями, с большим количеством священников и народа. И так каждый год с 1998-го. Р рассказывает, сколько чудес происходит вокруг, как мироточат иконы, как просветляются люди, как радуется природа. Рассказывает, как их принимают люди в селениях, где нужно переночевать. Людей на этом ходу бывает то больше, то меньше, но все, кто идет, очень целеустремленны. Идет человек двести или около того. Но бывают в наше время и другие – более длительные и тяжелые крестные ходы.

Таня рассказала, что в 2002 году с 19 мая от Екатеринбурга в день рождения царя-мученика был устроен покаянный крестный ход к Ипатьевскому монастырю в Костроме. Двенадцать священников бессменно возглавляли весь ход. Народу было очень много, некоторые – с детьми. У людей была непреклонная сила, хотя уставали, стирали ноги. Шли, как единая семья. Кто не мог быть со всеми до конца, уходил с половины, а другие, напротив, присоединялись с полпути. Поступали – кто как смог, потому что поход был долгим – пришли только к 28 июля...

Говорила также, что знает от своих знакомых про крестный ход в Вятке. Он бывает каждый год и проходит через Великорецк и обратно. Посвящен же явлению иконы Николая Чудотворца, случившейся там более 600 лет назад. Говорит, что раньше, до революции, здесь были большие тысячные крестные ходы. Один год было даже до шестидесяти тысяч человек – сила! Теперь, конечно же, гораздо меньше. Рассказывает также, что крестные ходы в Москве отличаются многочисленными необычными событиями и явлениями, большим духовным действием.

Татьяна Львовна ездила таким образом и в Оптину пустынь, в Шамордино, на Валаам, в Алесандро-Свирский монастырь, в Дивеево, на Соловки ✱ Рассказывает о том, что и как в тех далеких храмах, подворьях, монастырях. Когда собирается уезжать, каждый раз набирает кучу гостинцев, чтобы всем хватило, сама же едет налегке, по-походному. На ноги надевает кроссовки для удобства передвижений. Привыкла уже, чтобы легче отрываться было от пристанища, чтобы к месту не привязываться прочно. Не то, что я, которая любит стабильность, оседлость и скучную повторяемость привычных вещей. Смотрю на нее и удивляюсь, как это она так все умеет!

Татьяна Львовна только смеется:

– Да ничего-то я сама не умею. Вот сестра мне чудесную шаль связала, легкую и теплую, вот моя знакомая старушка мне замечательную икону подарила, вот недавно мне соседи при переезде свой ненужный сервант подарили. Да и все хорошо, слава

Богу. Мне всегда все дают!

– Здорово как ты рассказываешь про все это! Таня, ты ведь скоро в монастырь поедешь. Что-то будешь брать с собой для монашек?

– Конечно, что ни возьму, там все сгодится.

– Совершенно все?

– Конечно, лишь бы опрятное и чистое – переодеться после трудов в огороде, например.

– И обувь можно? Тогда возьми у меня, если тебя не затруднит. У нас с Машей тут всякого скопилось, есть кое-что и хорошее.

– Давай, заеду через денек и заберу.

– Только у меня будет большой пакет, как дотащишь-то?

– Ничего, с Божией помощью. Люди еще и не то делают.

Да ✱ Люди всякое в нашем мире делают, а некоторые и такое, чего в пример поставить нельзя.

Я же хорошо понимаю, что таких людей, как Татьяна Львовна Лазарева, встретишь в жизни не часто. Маша рассказывала, как они ездили летом 2002 года на Валаам, когда Татьяна Львовна предложила ей одно место в группе, которое оказалось свободным за день до поездки. Маша очень обрадовалась и поехала с удовольствием. С удовольствием и великой радостью моя дочь и приехала оттуда. Рассказывала о чудесном путешествии на теплоходе «Господин Великий Новгород», об острове Каневец, о монастырях, о Валааме, о старцах и монахах, о тех крестных ходах, на которые их группа попадала там, о чудесной природе ✱ Особенно – об Алесандро Свирском монастыре, об откровениях и житии святого, о многом другом.

Привезла фотографии, несколько иконок, камни с Валаама и домой, и для подарков, а также землицы с места явления Божией Матери преподобному Александру Свирскому ✱ Маша говорила, что такого еще в жизни не видела ни разу, хотя в Новгороде Великом все храмы посетила, везде была.

Я сказала:

– Замечательно, что так все получилось, я рада за тебя. Да ты устала, наверное?

– Конечно. Ноги просто отваливаются от ходьбы. Уже которые сутки отойти не могу.

– Понимаю. А как же Татьяна Львовна? Ей, наверное, еще тяжелее было?

– Мама, да ты что! Она всюду была – прямо впереди всех. Все успевала, всем интересовалась. А мы еще так попадали, что то служба в храме, что раз в году идет, то крестный ход навстречу, и мы к нему пристраиваемся. И все кругом так интересно! Мы даже трапезничать не успевали, все быстрее и скорей, а то не попали бы везде, где надо. Не успевали с одного на другое переключаться. И хотелось расслабиться, да некогда.

– И нельзя было что-то пропустить, например?

– Ты что! Совершенно исключено. Если отстанешь – считай, потерялся. Экскурсионных групп много, и отбиваться нельзя. По дорожкам, по болотцам, по канавкам, а то и вообще – по лесу, по холмам. Прямо не верится, как шли. Татьяна Львовна подгоняла меня, теребила, вдохновляла «на подвиги». Ты представляешь, мы почти в один день в трех источниках искупались!

– Ох, ты! Это очень много.

— Вот и я то же говорила. Не успеешь высохнуть от первого, как на пути — другой источник. Все из автобуса прямо высыпались в воду, как горошины, и я — за ними. И везде — окунаться с головой. Волосы высыхать не успевали. Ну, думаю, уже все. Едем дальше, как вдруг — навстречу идут люди и кричат, что рядом еще один источник. Нет. Уже точно хватит, сил нет. Не тут-то было! Татьяна Львовна меня чуть ли не в одежде окунала в озерный тот источник, говорила, что нельзя пропускать такую благодать! Представляешь?

— Представляю. Так ты не обиделась на нее?

— Да ты что! Она и сама не хотела пропустить такой чудесный случай, и мне не дала полениться. Одно слово — благодать!

Конечно, у меня бы сил на такие перемещения и встряски едва ли хватило бы, но пропустить благодать ни за что не захотелось бы. Я представила всю эту поездку, и мне стало очень тепло оттого, что есть в Р оссии такие благодатные места, такие замечательные люди, что живут там и трудятся во славу Божию. Татьяна Львовна тоже была довольна поездкой, да и на Машу не жаловалась. Обещала еще приглашать, если получится, а заодно — и меня.

Ну, про себя — не уверена, но уговорить меня, наверное, можно.

Помню, как она долго уговаривала меня пойти в апреле 1999 года на соборование, чего я до той поры ни разу в жизни не делала. Как искала храм, в который нам будет удобно пойти вместе с ней. Это оказался храм Богоявления большого Богоявленского монастыря, что на Никольской улице. Помню, как много было людей на том соборовании, как красиво все происходило. Тогда же я и познакомилась там с молодым батюшкой, который совершал обряд соборования, отцом Владимиром Головковым. Я пригласила его освятить нашу квартиру, а с семьей его мы подружились позже.

Помню, еще Татьяна Львовна рассказывала, что долго искала, как выполнить просьбу одного молодого настоятеля сельского храма о покупке материи на облачение. Хотелось купить недорого, да не получилось, так она добавила своих денег. И так случалось, по-видимому, не однажды...

Она знает, где продаются недорогие свечи или лампадное масло, в какой церковной лавке можно найти необычные иконы, где и когда выходят новые хорошие христианские книги, что для меня очень важно. И еще важно то, что я с ней могу обсудить любой вопрос по христианской или православной тематике. У нее масса всяких книг, трудов священнослужителей. Есть информация о прославленных, но не очень пока известных святых, о новоявленных иконах. Она не заостенела в мыслях, очень чутка ко всему новому и доброму. Татьяна Львовна являет собой тот редкий пример, который помогает мне понять сущность великих духовных подвигов известных святых, которых я очень люблю. Она много чего прочла и узнала из того, о чем мне впору только догадываться. Поэтому с ней разговаривать не только приятно, но и полезно.

Она почти всегда расскажет, что и где происходит в церковной жизни, какие мощи или иконы в какой храм привезли, когда и где будут важные церковные события, выставки.

Говорит, что нужно поддерживать бедные провинциальные монастыри. Я в ответ:

— И как же это? Ну, если поехать туда, так это другое дело.

— Зачем же каждый раз ехать? Теперь ведь прямо в Москве у храмов стоят посланцы монастырей и собирают записки о здравии и упокоении. Берут сорокоуст, можно и

годовое поминовение заказать и выйдет совсем недорого, не то, что в Москве. Да московским храмам проще помощи искать, а там негде ее взять.

– Но разве ты не слышала, сколько случается обманов при этом?

– Каких обманов?

– Ну, можно отдать, например, деньги монаху, а он окажется вовсе не тем, за кого себя выдавал. Об этом даже в газетах писали: соберет дань с людей, отойдет подальше, снимет рясу – оборотнем окажется. Теперь ведь многие не гнушаются и гораздо более примитивными формами заработка...

– Да что ты! Человека всегда видно.

– А мне ничего не видно, я всегда хочу помочь всем. И обмануть меня можно в два счета, например. Правда, к таким людям пока еще не подходила. Зато Маша недавно сказала, что заказала для нас с ней сорокоуст такому вот приезжему монаху.

– Вот и хорошо сделала. Молодец она. Ну а если же, как ты говоришь, тот человек оборотнем окажется, так Богу про то прежде нас ведомо. Он с ним Сам разберется. А записки-то наши Он тут же прочитал – и везти никуда не надо.

...Таня меня всякий раз удивляет с новой силой.

Вот, пожалуйста – Богу все ведомо, конечно же...

Она мне так сказала, и мне стало спокойнее – насчет прежних сомнений.

Таня каким-то удивительным образом являет собой невидимую опору, рассеивая те опасения и тревоги, которых у меня немало. Есть такие незамысловатые вещи, которые требуют простого совета, а есть такие проблемы, для разрешения которых нужно погружение в глубокие размышления, обращение к тонкостям духовных книг, к некоторым обрядам, к историческим фактам. Но находить ответы только в книгах – это совсем не то же самое, что выяснить их в беседе с понимающим и благожелательным человеком. Таня для меня – именно тот человек.

Нет такого, о чем с ней нельзя было бы поговорить.

Ведь она никогда ни за что не осудит, не будет искать, как уйти от моего беспокойства, но поищет, как его разрешить. Когда я задумалась, как мне коротко охарактеризовать Татьяну Львовну, я нашла это немного устаревшее выражение «христианская подруга».

Думаю, что таких других подруг у меня уже не будет никогда.

Так ли?

Одному Богу все ведомо – как это, так и все остальное.

2003 г.

Людмила Максимчук

April 20, 2025

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/14122>

© Copyright 2025, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com